Н.-В. КОМИССИЯ
ПО ПРАЗДНОВАНИЮ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

68
2/79

Николай Гаврилович
Чернышевский
1828—1928

Неизданные тексты, материалы и статьи

Под общей редакцией
проф. С. З. Каценбогена

САРАТОВ
1928

Чернышевский в Алексеевском равелине.

(Переписка Е. Н. Пыпиной с родными 1862-1864 г.г.).

Чернышевский был арестован 7 июля 1862 г. О пребывании его в крепости рассказано с протокольной точностью М. К. Лемке и П. Е. Щеголевым, использовавшими архивные материалы III Отделения *). Живые участники общественного движения 60-х годов мало касались этой страницы жизни писателя, освещая в своих воспоминаниях лишь отрывочные эпизоды, напр. голодовку, появление в печати „Что делать?" и пр. Теперь перед нами письма шестидесятницы, близко связанной с Чернышевским родственными узами, позволившими ей проникнуть к нему в Алексеевский равелин. Прослеживая шаг за шагом ход процесса Чернышевского, горячо отзываясь на каждый выроставший вокруг его дела слух, автор переписки сумел вложить в нее непосредственное чувство очевидца, дал услышать биение общественного пульса в обстановке подлинной среды и эпохи.

Известно, как сильно было захвачено русское общество процессом Чернышевского. О напряженном сочувственом внимании к нему радикальных кругов говорят воспоминания Л. Пантелеева, М. А. Антоновича и др. Более умеренные собратья по перу или громко возмущались несправедливостью осуждения (С. М. Соловьев), или пугливо замыкались в себя, питаясь отдаленными и часто ложными слухами в роде того, что к Чернышевскому „барыни ездили в равелин и возили золотые перья" (Г. Н. Потанин). Не менее волновалась и верхушка власти, в поисках улик против опасного человека, пока не были, наконец, сфабрикованы подложные документы и записки о литературной деятельности Чернышевского.

Нечего и говорить о том, с какой жадностью прочитывалось родными и друзьями каждое письмо Чернышевского из крепости, как „взвешивалось и обсуждалось каждое его слово" и каким ударом была для них неожиданная развязка дела. Первое время, пока Чернышевский был в крепости, Пыпины переписывались о нем с родителями, оставшимися в Саратове, вкладывая свои письма в письма знакомого саратовца-студента В. Лунина к его матери в Саратов. Эти письма не дошли до нас. Печатаемая ныне переписка охватывает время с 2-го октября 1862 г. до 2 июня 1864 г.

Подробная биография Е. Н. Пыпиной изложена нами в неизданном докладе „Евгения Николаевна Пыпина в биографии и изучении Чернышевского" **). Здесь коснемся ее вкратце. Е. Н. Пыпина (род. в 1835 г.) происходила из небогатой саратовской дворянской семьи. Ее мать и мать Н. Г. Чернышевского были родными сестрами. Оба семейства жили вместе в доме Чернышевских (ныне Дом-Музей). Еще

---

*) М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х г.г. (по архивным документам) Гиз М.-Л. 1923.—П. Е. Щеголев. Чернышевский в равелине. „Звезда" 1924 № 3.

**) Читано в заседании исторической секции Саратовского Нижне-Волжского Областного Научного О-ва Краеведения.

12-летней девочкой Е. Н. Пыпина помогала чиновнику-отцу в переписывании деловых бумаг. С юных лет строгая, серьезная, чуждая всякой романтики, она воспитывалась на статьях „Современника" 1850-х г.г., присылавшегося Чернышевским в Саратов. В 1860-м г., приехав в Петербург, „Евгеньичка" или „Еничка", как ее называли в семье, посещала вместе с сестрой Полиной университет.

По закрытии университета в 1861-1862 г. в связи со студенческими волнениями, сестры Пыпины занимались в военно медицинской академии. Правительственное гонение на женское образование в России повело к тому, что часть женщин бросилась за границу, в Цюрихский университет, значительное же большинство должно было или смириться, или отыскивать новые пути. В 1868 г. были устроены для женщин так называемые „Аларчинские курсы", в Петербурге, где преподавателями были Страннолюбский, Фан-дер-Флит и др., а среди слушательниц—известные впоследствии писательницы и деятельницы революционного движения, напр. С. Л. Перовская. Здесь прошли курс наук и сестры Пыпины. Затем, в 70-х годах Е. Н. Пыпина кончила медицинские курсы д-ра Красовского и стала практиковать в качестве врача по женским и детским болезням. Кроме того, она занималась переводом научных английских книг на русский язык, читала корректуры и переписывала статьи А. Н. Пыпина для печати. „Весьма некрасивая, неприветливая на взгляд, сухая, сосредоточенная в себе, словно на всех обиженная", по словам В. А. Пыпиной, она прожила жизнь одиноко, не зная личного счастья. Но под внешней сухостью, в ней скрывалась самая горячая любовь к Николаю Гавриловичу, заставлявшая ее слепо осуждать Ольгу Сократовну...

Эта горячая любовь, жалость, обида за Н. Г., гнев на его притеснителей сквозят в каждой строке ее писем. Если в последних и есть тот недочет, что Евгения Николаевна выставляет Чернышевского и юридически и фактически непричастным к революционному движению (см. письма от 2 декабря 1863 и 12 мая 1864), это является мнением не только ее одной, но и многих современников, убежденных в „несправедливости осуждения" Чернышевского. Гораздо важнее для нас передача подробностей свиданий, бесед с Чернышевским в крепости и обстоятельств отправления его в ссылку.

По техническим условиям печатания, мы лишены возможности привести переписку Е. Н. Пыпиной целиком, и потому даем лишь выдержки из писем, касающиеся исключительно Н. Г. Чернышевского. Переписка эта еще не появлялась в печати, за исключением самых незначительных отрывков, приведенных Е. А. Ляцким в книге „Чернышевский в Сибири". Подлинники писем хранятся в архиве Дома-Музея Н. Г. Чернышевского, инв. № 782.

Н. Чернышевская-Быстрова.

Письма Е. Н. Пыпиной к А. Г. и Н. Д. Пыпиным.

1862—1864.

2 октября 1862.

...Дело Николи, по слухам, даже не начиналось. Теперь думают, что история с письмами [1]) вздор и что поэтому они не знают, что с ним делать, и допросов ему до сих пор не было. Говорят, что теперь они решили обвинить его на основании всех его статей, и разбирают их с самого поступления его в Современник [2]).

9 октября 1862.

...Это он [3]) устроил так, что отослал все деньги Ольге Сократовне. Деньги были переданы ему из III Отделения, и он не знал сначала, что это такое, но, продержав их несколько времени, отослал, когда Ольга Сократовна потребовала их. Есть записка от Николи, в которой он, в третьем лице, просит дать ему совет, как он может передать жене дом [4]). Он не знает, по какой форме должно передаться какое-нибудь имущество. Записка, вероятно, адресована к господам заседающим, но так как тут же, на другой стороне была записка Сереже [5]), которую он просит [передать], то и та половина листка пришла к Сереже. Как видно, не догадались, что он не у него просит содействия... Опять говорили нам о том, что Николя будет отослан в Саратов.

16 октября 1862.

...Недавно Некрасов получил от Николи письмо, в котором тот просит его разузнать, посылались ли его жене деньги? Судя по ее письмам, он думал, что до 23 сентября по крайней мере она не получала ничего. Некрасов сейчас же явился узнать об этом, и ему сказали, что отослано около 1000 р. Он отписал это Николе и говорил, что, если нужно, то он пошлет еще... Он считает на них долгу тысяч 14, хоть и говорит, что конечно он упоминает об этом долге совсем не с тем, чтобы считать его за ними.

23 октября 1862.

...О болезни Саши маленького [6]) мы узнали именно из депеши Ольги Сократовны, и разумеется она встревожила нас... О его папа-
ше только и имеем сведений, что содержится в чистой, светлой, су-
хой комнате (это говорил Потапов Некрасову) и ему не нужно ниче-
го, т. е. из домашних вещей. Недавно Серно-Соловьевичу [7]) дали
работу, перевод Шлоссера, говорили, что можно будет дать и Нико-
ле,—не знаю, сделают ли это, а до сих пор, хотя и говорили также,
что дают им книги, „хотя разумеется библиотека там не очень удо-
влетворительна", но по слухам, книг им не давали. Бог их знает,
что еще будут творить. О размене **билета,** милый папенька, **никто из**
наших не имел никакого понятия. **Николай Гаврилович просил уже**

III Отделение об этом и просил передать деньги Ивану Григорьевичу Тот получил именно ту сумму, которую выслал Ольге Сократовне и совсем не мог об'яснить себе, что это за деньги. Николай Гаврилович между тем писал Ольге Сократовне, что это он передал деньги Ивану Григорьевичу, она стала у него требовать их, и он отослал их еще до нашего приезда... Видеться с Николей, говорят, нельзя, и нечего и обращаться с просьбами об этом...

27 октября 1862.

...О Николе от Николи нет ничего нового, только опять случилось мне слышать повторение, что с ним не может быть ничего дурного. Пусть бы кончали поскорее.

5 ноября 1862.

Все ваши поручения, милый папенька, я рада бы исполнить только это мудрено; до Николи добраться с письмом и можно бы кажется, только делать этого не советуют; говорят, что нужно для пользы самого же Николи иметь с ним сношений как можно меньше. Правда, что такие дела, как теперь у вас, отсрочек не терпят, но пока можно ждать, надо ждать. Все слухи пока говорят одно: дело Николи идет очень хорошо, сравнительно, разумеется; долго оно продолжиться вряд ли может, и конца можно ждать, пожалуй, и скоро... Я вам писала уже, что денег, принадлежащих Николаю Гавриловичу, в редакции нет, и если Ольга Сократовна будет теперь получать отсюда деньги, то это собственные деньги Некрасова. Некрасов просил Сережу написать ей об этом, и, может быть, с его слов писал Сережа, только я не очень осталась довольна его письмом. Он говорит, что дела редакции теперь в большом расстройстве, денег там нет, и что поэтому на получение денег оттуда рассчитывать нельзя; что Некрасов будет высылать ей ежемесячно 150 р. с. из своих денег. Мне досадно показалось то, что Сережа не сказал ей, что на них в редакции только долг. Она сама писала Николаю Гавриловичу, что Некрасов такой человек, что она не желала бы, чтобы Николай Гаврилович имел с ним дело. Как бы она отозвалась о нем теперь? Стороной, но совершенно от верных людей мы слышали, что Антонович [3]) не иначе согласился принять на свои руки Современник, как с условием, чтобы долг на Николае Гавриловиче более не считался, и кроме того было бы назначено из редакции постоянное содержание семейству или самому Николе, покуда не изменятся обстоятельства. Конечно, редакция от этого не в большом убытке, и справедливость тут не страдает. Это было еще до приезда Саши [9]); после того Некрасов просил Сережу написать Ольге Сократовне то, что я сейчас говорила, и вы можете из этого видеть, как велика заботливость добрых людей... Саша сейчас взял ваше письмо, милый папичка, чтобы написать Николе об этих делах. Я дам вам знать, что последует.

9 ноября 1862.

... О Николе все твердят, что скоро он будет на свободе. Дай бог, чтобы это скорее случилось. Вот будет нам радость встретить его у себя. Говорят, что, вероятно, это произойдет 6 декабря, но всем этим дням нечего верить, очень немногое исполнялось из того, что ожидали в такие дни. Пусть бы выпустили в какой нибудь день.

27 ноября 1862.

...Здесь все утверждают, насколько можно утверждать, что дело Николи очень скоро, может быть, на днях, окончится. Оно, между прочим, задержалось смертью председателя комиссии, Волянского, и болезнью другого члена, Торунова, который брал Соловьевича. Дело, говорят, решается таким образом: все похватанные разделены на три категории. 1-ая будет судиться и, вероятно, сошлется. 2-ая—дело пойдет административным обыкновенным порядком, и подсудимые, вероятно, вышлются отсюда. 3-ья- подсудимые, совершенно оказавшиеся ни в чем не виновными, выпустятся на свободу и даже останутся здесь. К этой-то категории причисляют Николю. Дай бог.

11 декабря 1862.

...Здесь нового нет. 6-е дек. прошло себе просто, а Боков [10]) так был уверен, что Н. будет в этот день свободен, что приехал к нам и прямо спрашивает: „Ну, где же гость?"—Да пока еще нет, говорим мы, и смеемся. „Не может быть"—да как не может—может... „Ну так он еще приедет. Вы уж, пожалуйста, сейчас же дайте знать, сию же минуту."—Хорошо, хорошо. Так он и остался с ожиданием.

18 декабря 1862.

...Начнем теперь ждать Ольгу Сократовну. Она писала Саше,
что едет по вызову Николи, а между тем он в своем письме от 2 де-
кабря (оно пришло к нам 12-го,—точно из Саратова в распутицу) ни
слова не говорит об этом, только ужасно беспокоится о ее болезни
и просит, если она еще продолжается, уговорить ехать к ней какого-
нибудь известного доктора. Деньги на все это просит занять или у
кого-нибудь из журналистов, или у знакомого, имеющего средства.
Заплатить я могу, говорит он, или деньгами, или статьями; не век же
будет продолжаться такое его положение, и когда мы с тобою, т.-е.
с Сашею, заживем по-прежнему, то денежные обстоятельства и его
и нашего семейства много улучшатся. Еще в первом письме он го-
ворил, что видит теперь необходимость лучше заниматься этими ве-
щами. К Некрасову никак не советует, или даже запрещает обра-
щаться за деньгами, так как он им очень недоволен. Видно, что он
не соглашается с расчетом Некрасова по Современнику, о котором,
впрочем, едва ли знает что-нибудь верное. Есть в его письме и та-
кая фраза: когда я отправлюсь в Саратов... она заставляет меня
думать, что он совсем не звал сюда Ольгу Сократовну. Просит при-
слать книг, если стоит хлопотать об этом, т.-е, если видно, что еще
довольно придется пробыть ему там. Это тебе виднее, говорит он. О
себе он говорит, что сыт, тепел, здоров, гуляет, занимается и совер-
шенно спокоен. Этому можно поверить и по всем ходящим здесь
слухам. Дело в таком положении, что сами судьи не знают, что де-
лать с своими арестантами... Письма Николи приходят читать наши
приятели и взвешивают каждое слово, каждую фразу; все уверены,
что он пишет о себе совершенную правду.

24 декабря 1862.

...От Николи еще имеем письмо; оно довольно короткое, и нового ничего не говорит. Такое же спокойное, как и прежние его письма. Нового мы узнали о нем только то, что дело его передано в сенат. [11]) Говорят, поэтому, что раньше февраля оно кончиться не может, потому что в сенате должно будет просматриваться. Нам бы-

ло и поверилось, когда говорили, что, пожалуй, к новому году он освободится....

1 января 1863.

... В этот вечер очень кстати пришло письмо от Николая Гавриловича, так что и он как будто поговорил с нами. Письмо опять очень спокойное; он тут и шутит, и толкует о своих делах и рассказывает, что он делает.

Кроме переводов, которых у него много, он еще пишет повесть и говорит, что она выходит совсем не дурная.

Просит нас не испугаться, когда мы увидим его, потому что он теперь похож на какого-нибудь льва, с рыжейшей бородой и усами, которые оказываются к тому же довольно густыми. Главная его забота—это Ольга Сократовна. Все пишет, чтобы отсылали ей все деньги, которые у него есть. И повесть вздумал писать затем, чтобы иметь лишние рессурсы. Вот наделает шуму своим появлением эта повесть. [12]) Все, конечно, с большим интересом прочтут ее.

25 января 1863.

... О Николе нет слухов, кроме того, что его дело в сенат не поступало, как говорили: теперь толкуют, что оно решится не судебным, а административным порядком, т.-е. в переводе—совершенно произвольно, не судя. Он давно не пишет; думают, что дело именно кончается и потому сообщения пока прерваны.

4 февраля 1863.

...От Николи мы довольно часто получаем письма [13]). Около нового года я написала ему несколько строк. Он потом обратился ко мне с вопросом, каково идут дела мои и Поли [14]) с Сережей. Я ответила ему, и вот теперь он пишет коротенькое письмо, в котором обещает ответить каждому и каждой из писавших длинным письмом, а писали Саша, Юлия, [15]) Ольга Сократовна и я. Письма его идут теперь через городскую почту, и даже конверт надписан его рукой. Если письмо коротенькое, оно доходит скоро, потому он и просит посылать ему коротенькие, и сам отвечает, а между тем и длинные пишутся, только долго идут. Повести его также получили часть. Мне не удалось прочесть все присланное, потому что она скоро пошла к Некрасову, и мы на днях получим ее в корректуре. Пройдет ли она? Кажется, запрещать в ней нечего. По началу эта повесть не совсем меня удовлетворила, но самый то ее интерес дальше, и не знаю, каково-то идет там рассказ.

12 февраля 1863.

... О Николе опять идут слухи, что скоро кончится его дело высылкой его отсюда. Бог знает, правда ли. Много и давно говорят всякую всячину.

19 февраля 1863.

... У нас нового нет ничего. Николай Гаврилович послал еще главу своего романа, но она еще не дошла,—читают, верно. Присланное прежде уже есть в корректуре, и цензурой пропущено. Этот роман займет листов 20 или несколько больше. Заплатят ему за лист 150 или 175 р. Деньги хорошие. О деле нет ничего нового и верного...

26 февраля 1863.

...За эту неделю у нас есть новость, это то, что Ольга Сократовна, наконец, виделась с Николинькой. [16]) Произошло это таким образом: давно уже толковали Саша и Сережа о хлопотах по этому предмету, но никто не давал ответа, как с этим быть, к кому обратиться с просьбой и пр. В прошлый четверг, часов в 6 веч., приезжает к нам третьеотделенский офицеришка и спрашивает Чернышевскую. Она вышла. Он подал ей письмо от Николи и сказал, что его прислал Потапов узнать о здоровье Ольги Сократовны (они знают, что она больна) и спросить, когда ей угодно видеться с Николаем Гавриловичем. Все это делалось ужасно вежливо и говорилось, стоя у притолки, а когда пригласили его сесть, то он все отказывался, и когда сел, то на кончик стула. Ольга Сократовна, разумеется, отвечала, что она готова хоть сейчас. Нет, говорит, сейчас нельзя, а пожалуйте завтра в одиннадцать часов в III-е Отделение.

У Ольги Сократовны в это время опять был припадок ее болезни, после этого известия сделалось еще хуже, так что на другой день она едва могла ехать. Саша провожал ее, но их поездка оказалась бесполезной. Это надо было пожаловать к Потапову, чтобы опять выслушать сначала историю о том, что можно повидаться. Когда уже ждали свидания с Николей, а совсем не с Потаповым, то это всех страшно раздосадовало. Ольга Сократовна сказала Потапову, что очень невежливо с его стороны было поступить таким образом, что для свидания с ним, она, конечно, не поехала бы. Он с любезностями, под руку, проводил ее. Свидание назначено было в субботу, в крепости, в комиссии, разумеется, в присутствии различных господ. Туда провожал Ольгу Сократовну Сережа, но его и в комнату не пустили. Ольга Сократовна просидела с Николей около 2-х часов. Говорит, что он очень весел, говорил все шутя, но очень, очень похудел. [17]) Борода у него потешная, а волосы на голове сделались не такие густые, как прежде. Он будто бы повторил то, что говорили здесь слухи, что сидит он именно потому, что с ним не знают, что делать. Взяли его по ошибке, обвинения не могли доказать, а между тем шуму наделали.

На допросе был будто бы только раз. Когда же кончится дело, нет никакой возможности сказать. *) Говорит, что ему там хорошо. Ему был послан Современник и, против ожидания, дошел. Он пишет, что прочел его от доски до доски. Просит прислать других журналов и газет. Вчера Ольга Сократовна ездила опять в крепость, в надежде повидать его снова, как она просила членов Комиссии, но этой Комиссии не было там, и Ольге Сократовне сказали, что о свидании давало знать III-е Отделение, а сама комиссия этого сделать не может, что ей дадут знать, когда опять можно видеться. Жди их теперь. Отвезли Николе книги, которые он просил, газеты, одни за месяц, другие так отдельными нумерами, старые книжки, журналы (новых не позволено), но неизвестно еще, дойдут ли газеты. Николя говорил, что со времени заключения совсем не знает, что делается на свете. Он думал, первое время особенно, что многие, многие взяты. Вот было у него приятное время... Как хорошо было бы повидаться с ним. Мы говорили, что если бы знать, где можно увидеть его, когда его вели, напр. на свидание с Ольгой Сократовной, то все мы стояли бы, ждали его, но

---

*) Это то не он говорит, а я (примечание Евг. Николаевны).

дело в том, что неизвестно, где бы это можно было. Доверенность от него послана вам, папенька.

16 марта 1863.

... На днях получено продолжение романа Николи и тотчас же отдано в типографию, так что мы не успели ничего прочесть. Первая часть мне не так нравилась; Саша говорит, что эти главы гораздо лучше и интереснее; там между прочим выведен Бахметев [18]) помните? Разсказ идет живее. Дня два назад Сережа отправлялся к Потапову просить о свидании для Ольги Сократовны. Ему отказано под тем предлогом, будто следственная комиссия сделала постановление о запрещении свиданий до окончания следствия. А при той неподвижности дела, о какой рассказывали, это следствие окончиться может хоть ко второму пришествию. В последнее время за верное говорили, что привозили сюда Костомарова, [19]) который послужил Михайлову. [20]) Думали, что его изобретательности станет на то, чтобы придумать что-нибудь на Николю, но несмотря на все разговоры с ним, добиться ничего не могли. Предполагавшейся по слухам очной ставки Костомарова с Николей не было. Так он и отправился назад. [21]).

22 марта 1863.

... Нового у нас опять нет. Все последнее время мы возимся с Ольгой Сократовной, которая была очень больна. Теперь, с нынешнего дня, ей лучше, но она еще и не сидит, не только не встает. Ухаживать за ней помогал нам много Ровинский, [22]) который ночевал несколько раз. Антонович (она) также продежурила одну ночь. Этим они много помогли нам, потому что уставали мы порядочно; отойти от больной нельзя было ни на минуту. Болезнь ее—сильнейшая истерика.

Кроме Бокова были еще два доктора, один—здешняя знаменитость—Боткин. В первый раз, когда сделалась эта истерика, она была еще сильней, но продержала два дня, а теперь без перерыва четыре, и только что только становится лучше.

2 апреля 1963.

... Нового по делу Николи ничего нет. Слухи то и дело появляются и все разные: нынче одно, завтра другое, и все вздор. На днях рассказывали, что по настоянию Суворова [23]) (которому тут навряд можно настаивать и вступаться в дело) дело передано в Сенат. Вернее, что это неправда. Вчера встретили одну знакомую, которая стала спрашивать, у нас ли Николя. Ей сказали, что он выпущен. Это, кажется, было 1-ое апреля, но этот слух бывал и прежде. К Ольге Сократовне Николя пишет чуть не каждый день. Еще послал продолжение романа. Вторая часть очень интересна. Не знаю, что третья....

16 апреля 1863.

... Ольга Сократовна собирается ехать в апреле, Ровинский, наш приятель, тоже. Ольге Сократовне советуют, однако, подождать, это говорил и Иван Григорьевич. Есть слух, что Комиссия кончает свои занятия, стало быть дело перейдет куда-нибудь еще, и может быть какая-нибудь перемена. Николя попрежнему пишет довольно часто. Высылает уже последнюю часть романа, а между тем не дошла еще и предпоследняя, высланная гораздо прежде.

... Новостей о деле Николеньки попрежнему нет. Лучше бросить слушать все, что толкуют. Все это делается совершенно напрасно. Пусть бы только скорее кончают дело.

23 апреля 1863.

...Ольга Сократовна еще неизвестно когда поедет. Ведь она дожидается обещанного свидания с Николей, а когда дадут его—неизвестно.... С большим интересом прочтете вы роман Николи. Рахметов это Бахметев Пав. Алек. [24]) Помните вы его? Здесь, впрочем, мы об этом не говорим. Николай Гаврилович много знал о нем такого, чего мы и не подозревали.

2 мая 1863.

...Очень было досадно, что Поля не повидалась с И. Гр. Он в тот же день приезжал проститься с ней, и тоже подосадовал, что не знал времени от'езда. Он вечно шутит и говорил, что этим Поля заставила его поссориться с ней навсегда. Скажите О. С., что он говорил о деле Ник. очень успокоительные вещи. Ей, впрочем, всегда и все говорили то же.

7 мая 1863.

...О деле Н. нет ничего нового, и это кажется хуже всего. Все надеялись, что скоро перейдет оно в сенат, но до сих пор нет. Тогда можно бы видеться с Н. Третьего дня он писал нам всем. Просит скорей отвечать, ведь это, говорит, мне развлечение. Хотел скоро опять ответить. Делает несколько вопросов мне, и советует избрать ученую или литературную дорогу.

14 мая 1863.

...От Н. Г. после от'езда О. С. имеем два письма; в обоих он усердно просит писать к нему. Я послала довольно длинное письмо и просила сказать, доставит ли оно ему то развлечение, которого он ждет от наших писем. Если да, то я могу писать хоть каждый день. Он говорит, чтобы мы хотя понемножку знакомили его с живым миром, что ведь почти год он оторван от всего белого света. Спрашивает о пустейших вещах, все бы только заставить писать. Об успехе Соврем. тоже осведомляется. На первый раз я ему писала только о семье, своей и его; дальше, если буду писать, буду и о другом говорить, что можно.

16 мая 1863.

...О Николе получено вчера известие, что совершенно здоров.

20 мая 1863.

...Очень будет жаль, если дом продастся. Если бы была какая-нибудь возможность, не надо бы допускать передавать его в чужие руки. Ваша правда, что противодействием продаже можно огорчить Николю, и этого делать, особенно теперь, совсем не годится. Как видно, иногда ему уж слишком тяжело становится его положение, хоть только кажется и нужно в его деле одно терпение, без особенных беспокойств, но терпение и терпение в продолжение такого длинного времени, конечно, тяжело. Теперь дело его передано в Сенат. Он обвиняется, во-первых, в том, что будто бы (даже по его сознанию, как рассказывают) писал к Герцену чрез Михайлова, и сов-

товал ему быть умереннее в своих статьях [25]); во-вторых, по показанию В. Костомарова, что он будто бы давал Кост. 200 р. на тайную типографию; в третьих, будто бы участвовал в составлении какой-то прокламации. Обвинений Кост. Ник. Гавр. не признает, а после истории с мещанином Яковлевым [26]), о которой вам могут рассказать Поля и Сережа, всякий должен заподозрить показания Кост. в каком бы то ни было отношении. Есть также доставленная Кост. какая-то бумага [27]), писанная будто бы рукою Н., но он признает в этом почерке только сходство с своим, что сказали и секретари присутственных мест, не признавшие тождества почерков. Скоро ли все это кончится, бог знает. Ник. пишет, что занимался Сводом Законов для ведения своего дела, но что не нашел там ничего для себя, не смотря на свое незнание законов, что бы сказало ему новое что-нибудь;— что по простому здравому рассуждению выходило то же, что могли придумать в его защиту законы.

Вероятно, теперь можно будет выхлопотать позволение видеться. Говорят, по закону можно бы и следовало бы даже отдать Н. на поруки. На это мы не надеемся, но свидание, вероятно, может быть.

28 мая 1863.

...От Николи письма имеем. Занят теперь своим делом. Просил Сашу сделать некоторые справки в сенате, и это письмо шло до нас неделю, все рассуждали, можно ли передать, а Н. именно просит на другом листке, который также дошел к нам, чтобы не отправляли письмо, если такая переписка незаконна, и чтобы не сочли этого за попытку завести недозволенную переписку. В четверг, т. е. после завтра, будет первый допрос в сенате [28]). Я хотела идти туда хоть к под'езду, но, говорят, его привезут на двор сената и там поведут, так что видеть едва ли можно, и кроме того, Саша думает, что теперь не дадут к этому и возможности, потому что прежними примерами такого рода были недовольны.

24 июня 1863.

...Много бы можно посказать вам еще о Николе, но одного не придумаешь как-то для письма, другого и не напишешь просто. Я с нетерпением жду, когда опять увижу его [29]). Не для нас, собственно, для него, очень бы хорошо видать его чаще. Дело его стоит хорошо. На днях в сенате будет решаться вопрос о поруках. Хорошо, если это устроится; тогда нечего более и беспокоиться. Дело вообще стоит не дурно.

2 июля 1863.

...На этой неделе опять надеюсь повидать Николю. Я с большим нетерпением жду этого дня. Не знаем ничего нового из сената, а между тем говорили прежде, что будет проходить вопрос о поруках. Решено ли это, не знаю. Н. писал после свидания, он здоров.

14 августа 1863.

...Я уже писала вам, что от Николи было известие. Теперь есть уже два письма. Он здоров, не унывает, пишет, что ему хорошо пока, надеется, что и вперед будет тоже. Здесь многие поговаривают о перемене судьбы многих из тех господ, которым было в последнее время так тяжело. Надежды эти основывают на женитьбе наследника, которую ожидают. Конечно, лучше не рассчитывать на эти надежды.

18 августа 1863.

...мне нужно было вернуться ко дню свидания с Николей. Этого свидания, впрочем, не было. Он в этот день был в Сенате [30]), и нас просили приехать в будущую субботу. Мы порадовались, узнавши о том, что Николя опять в Сенате, значит, дело не стоит, хоть и пришлось пожалеть о свидании. Недавно один знакомый говорил, что, по слухам, дело теперь в ходу и может скоро кончиться, пожалуй, в сентябре.

16 сентября 1863.

...К нам приехала наконец Ольга Сократовна. Вчера, т. е. в воскресенье, она виделась с Николей. Он сказал ей то же, что писал уже нам,—что наши свидания прекращены на время рукоприкладства,—они могут скоро возобновиться, потому что он надеялся недели в полторы кончить эту историю. Почему она так долго тянется, я не знаю. Верно вы, папенька, знаете, какие порядки бывают при этих делах. С этим же должно решиться и дело в Сенате. Я слышала давно как-то, что если найдут Николю в чем-либо виновным, то дело должно будет перейти в государственный совет, если же обвинения никакого нет, то оно должно окончательно решиться в Сенате. Мы уверены, что дело должно стоять хорошо, но также уверены, конечно, и в том, что Николю ни под каким видом не оставят здесь,—стало быть обвинят—любопытно в чем. Он не мог говорить с Ольгой Сократовной о деле, но был весел, так же, как был в последнее свиданье с нами, тогда его утешила выходка с письмом, о котором я, кажется, писала вам. Ольга Сократовна говорит однако (у ней, впрочем, многого не разберешь, как у ребенка), что он предполагает почему-то, что дело протянется еще около 3-х месяцев. Не знаю, так ли это.

4 ноября 1863.

...Дело Николи должно, как говорят, кончиться на этой или будущей неделе. Для всех составляет огромный интерес—как его кончат, т. е. чем. Многие говорят, что кончится оно каторжной работой, многие,—что ничего подобного сделать не могут, как можно судить по делу, многие говорят, что мало ли что *желают* сделать,—все-таки делать это слишком скандалезным образом—нельзя. Я никак не могу об'яснить, откуда столько различных слухов. Первый слух, вероятно, распускается *нарочно*. Николе, по его словам, бояться нечего, и если *угодно* дело кончить первым способом,—пусть, только бы кончали, но ему не верится, чтобы дошли до такой степени в своем неправосудии. Кто их знает, до чего могут они дойти. Посмотрим. Я как-то совсем не беспокоюсь за решение, и больше с любопытством, чем со страхом, жду его. Эта уверенность перешла от вида Николи. В его глазах дело тут в том: значит ли сенат что-нибудь, и сознает ли он свое достоинство,—или он такое же орудие, как последний жандарм.

В среду опять поедем с Сашей в крепость, хотя опять берут сомненья, увидимся ли мы с Николей,—авось, и в прошлый раз не надеялись, а увиделись же. Теперь потому не надеемся, что в четверг будет какой-то доклад, говорят, так, пожалуй, остерегутся давать свидание.

11 ноября 1863.

...В среду мы видались с Николей. Он сказал нам, что дело в Сенате кончено, но он не знает чем. Ему очень хотелось узнать, когда наконец оно кончится совершенно. Мы до сих пор не узнали,— чем кончено дело, хотя слухи ходят очень неблагоприятные. Это все на таких основаниях, что я никак не верю им. Николя, кажется, думает, что если действительно сенат окончит дело так, что Н. вправе будет считать его так же несправедливым к себе, как напр. III От.— вести дело дальше. Но он же сам давно говорил, что его интерес не в том, как сенат кончит дело, а только бы скорее кончал. Говорить с ним о деле и узнать, в чем оно теперь состоит—нельзя было, потому что с нами же сидел господин, просивший именно не говорить о деле. По обыкновению Николя много заботился о том, достаточно ли у О. С. денег. Он часто спрашивает о том, как поживаете вы. За невозможностью говорить о самом для нас интересном,—толковали о разных знакомых; он говорил много о своем новом романе. Он очень много пишет. Прислал переводы, статью о Крымской войне [31]), по поводу одной английской книги, недавно вышедшей, говорят, очень интересной, прислал и часть романа.

25 ноября 1863.

...О Николе нет ничего нового. Все также продолжают говорить о дурном конце дела. Он сам думает, что конец будет такой, как можно ему судить о деле по его ходу вообще. Только он сам удивляется, как и все, как оно решается подобным образом на основании таких вещей, какие были для его обвинения. Говорит, что, верно, действительно в России настали другие времена, что прежде подобных фактов не было,—т. е. обвинений, основанных на ложных доносах.

А это дело все на том и держится. Он думает, что, если бы и было решено дело таким образом,—невозможно ему долго остаться в таком положении, т. е., что правда должна же обнаружиться. Это так, но что делать с тем, что подобные вещи могут твориться? Когда Николя был последний раз в сенате для чтения докладной записки по делу, то после этого стал благодарить г.г. сенаторов на их правильные действия и выражать свое полное этим удовольствие. Конечно, можно понять, что слова были одни, а смысл другой. Это поняли и они, и им, видимо, сделалось совестно, а один даже не мог вынести этой речи до конца и ушел.—После этого уже почти месяц и приговора еще нет. За приговором сената дело перейдет в госуд. совет [32]).

Каково бы ни было решение, Н. совершенно об нем не беспокоится. Если что может его тронуть, так это положение семьи. Но будь он и сослан, он надеется работать для нее, и иметь столько, чтобы иметь возможность жить. Бог знает, впрочем, как и что будет. Я потому только пишу все это, что толков много, а что будет, еще бог знает.

2 декабря 1863.

... Вы, маменька, ждете новостей о деле Николи,—новости наши говорят, будто дело уже решено теперь в сенате и решено ссылкой на работы. [33]) Затем дело должно перейти в государственный совет, наверное, впрочем, не могу еще сказать, как оно решено и вообще ничего определенного. Николя чрезвычайно спокоен. Он ведь всегда

мало думает о себе, и если есть у него забота, то единственная— Ольга Сократовна. Весь город говорил, что осудили его по совершенно недостаточным причинам и самое главное обвинение—письмо—все признают неоспоримо подложным. [34]) Таково уже у нас теперь время, что понадобилась голова,—ну и давай ее всякими средствами, а что средства бессовестны—это все равно. Я с каждым разом, повидавши Николю и послушавши его, убеждалась, что он говорит совершенную правду: посадили его затем, чтобы во что бы то ни стало—погубить, ну и ведут к тому. Разумеется, я вижу, главное его несчастье всетаки не в этом, везде люди живут и спокойно живут, я нахожу положение его ужасным только в том отношении, что этим у него убавится, вероятно, и та маленькая доля семейного счастья, какой он владел. Не будь у него такой домашней обстановки, не о чем особенно и тужить. Но для него эта вещь значит более всякой другой. Но пока еще рано сказать об этом что-нибудь. Я не знаю, как вообще пойдет дело, может быть, оно и еще протянется несколько времени, может быть, Николя вздумает апеллировать — все не верится, что такие вещи могут безнаказанно твориться. В приговоре будто бы сказано, что осуждается он за дурное влияние на молодое поколение и за то, что имя его упоминается во многих политических делах. Если правда первое,—то заметить это надо бы давно, и устранить полицейскими мерами, а второе положительно неправда. Тем-то и было его имя замечательно, что ни в каких политических делах оно не упоминалось, чего многим так хотелось...

Не знаю, так ли это,—все еще мы не знаем положительного.

После завтра отправимся опять к Николе.

9 декабря 1863.

... Милые, папенька и маменька. Вы пишете, что все ждете известий о конце дела Н.—Мне опять нечего сказать вам определенного. Могу только повторять слухи, которые в последнее время решают дело уже не так строго, как неделю назад. Говорят, будто при подписании решения в сенате возникли у членов разногласия и вследствие этого опять писался проект решения в смягченном несколько виде. [35]) До сих пор однако не слышно, чтобы он был подписан. В среду мы с Сашей опять видели Николю. Он как всегда—покоен и весел. О решении отзывается, что ему странно, как это у г.г. сената не достает решимости подписать решение. Что ведь, вероятно, не они придумывали его, следовательно, рассуждать им нечего. Вообще он видит в своем деле преднамеренность, и вследствие этого считает его выходящим решительно из ряда всяких политических дел.

Разные господа со времени приближения решения рассказывают, что старательно просматривают газеты, чтобы видеть, кому будут даны участки тыс. 4—5 десятин. в Самар. или какой другой губернии. Вся история этого дела, конечно, очень любопытна, только узнать ее, вероятно, невозможно очень хорошо. Как бы там ни было, только в последнее время слухи успокоительнее, не знаю, что будет дальше.

16 декабря 1863.

... Вы пишете, что все ждете новостей—бог их знает, они где-то все пропадают. По делу Николи нет и нет нового. Слухи разные, всего и не перечтешь, но действительно стали затихать очень недобрые, и теперь берут верх поумереннее.

К Николе мы отправимся с Сашей в среду.

26 декабря 1863.

... Мы с Сашей виделись на прошлой неделе в обычный день с Николей. Вы, милая маменька, говорите, что его очень жалко,—что же делать, жалко; но я не знаю, сколько во мне прибавилось к нему уважения с того времени, как он платится за то, что обратил на себя внимание стольких людей; сколько заставил он любить себя больше с тех пор, как я вижу его теперь. Это человек, смело можно сказать.—Он действительно спокоен за себя. Спрашивал, как это действовало и действует на вас. Он всегда спрашивает о вас всех. Говорил мне в последнее свидание, что это еще хорошо для него, такое событие, как вся его история, что теперь во всяком случае он имеет полное сознание несправедливости и пристрастия в его деле господ, решавших его; но что не будь этого, очень вероятно, что он **не выдержал бы**, и тогда эти господа были бы в своем праве. И большая разница в том как смотрят теперь на это дело (хотя, разумеется, не все) и как бы смотрели тогда.—Я ему сказала, что хоть он и считает, что это хорошо, но что сколько тут неудобств!—„Да, семейных, это правда,—но только семейных“.—Вот то-то и беда. Приговорен он в сенате на 14 лет каторжной работы. Толковали, толковали что это решение не подпишется, однако оно подписано, и дело перешло в министерство, откуда отправится в государственный совет, а там к его величеству. Конечно, в этом виде оно не останется, как делается всегда. [36])

6 января 1864.

... 2 янв мы виделись с Николей. Дело его теперь в министерстве, и, по слухам, уверяют, что вернейшим, министерство совершенно несогласно с решением сената. [37]) Это не странно. Весь город говорит против этого решения. Чем порешит министерство, еще неизвестно, только можно думать, что не так дико, как решил сенат.

20 января 1864.

... Ольга Сократовна уехала отсюда, повидавшись опять с Николей. Мы должны были ехать к нему на другой день, и нарочно устроили так, что она не ждала нашего дня, а вместо того наше-то свидание и состоялось именно потому, что она была у него накануне. Хитрость наша не удалась, к большой нашей досаде. Поедем теперь в следующий четверг, как назначили нам. О деле опять не знаем нового, оно еще в министерстве. Говорят, будто некоторые директора департаментов отзываются в разговорах о деле этом, что это юридическое убийство. Этим все сказано. Не знаю, чем-то все это кончится. Скучно, что все тянется и тянется. Для Николи главное—чтобы скорее решалось оно. Скучно очень быть в таком положении.

27 января 1864.

... По делу Николи говорят теперь, что, в министерстве найдено, будто бы, решение сената не совсем правильным, и что одно мнение говорит, чтобы присудить Николая Гавриловича к $2\frac{1}{2}$ годам крепостного заключения, со включением времени, которое он уже провел в ней, а другое мнение утверждает, будто-бы, что из дела ничего такого не видно, за что следовали бы такие наказания. Много взводится, но ничего нет доказанного, следовательно, кроме высылки отсюда за подозрением, нельзя сделать ничего более. Неизвестно, что

будет дальше. Николю мы видели. Свидание было короче прежних: сделано распоряжение, чтобы свидания с заключенными не продолжались долее часу, и при этом запрещено курить (это нас очень удивило) и даже, как нам высказал простодушный алгвазил, велено записывать все разговоры.

Верно, изустно трудно было добиться толку, не будет ли лучше: передаваться на бумаге. Из этих вещей, вы увидите, как народ глуп, —ну что это за нелепости?

4 февраля 1864.

...О деле Николи все нет нового. Он пишет довольно часто, ему посылается такое множество книг, что теперь у него, я думаю, страшный их ворох. Его статьи идут до Саши страшно долго, а дошедшие некоторые погибли в цензуре. Это, напр., довольно большая статья по поводу одной английской книги о Крымской войне, наделавшей несколько шума и отличающейся, говорят, беспристратием. Только переводы не терпят гонения. [38]).

10 февр. 1864.

...Дело Николи все еще не перешло в государст. совет. Он очень много теперь читает, и я только удивляюсь, как это еще находится столько книг для него. Говорил в последний раз, что начал писать большой трактат о полит. экономии [39]); откуда берется у него эта сила мысли---пишет роман, задумывает множество других подобных вещей, пишет ученую вещь, переводит—для отдыха голове, читает разнообразнейшие книги,—ведь это просто чудеса в том положении, в каком он находится.

18 февр. 1864.

... На этой неделе в четверг отправимся опять к Николе.

24 февр. 1864.

... Дня три назад приехала сюда О. С., и теперь дело о доме решается окончательно. Он переходит к Саше [40]). С Николей виделись и мы, и О. С. Дело его все еще не перешло в госуд. совет. Ужасно долго тянется, но уж и не знаешь, желать или не желать его скорого окончания. Для Николи, конечно, лучше скорей, а для нас— жаль вздумать, что придется провожать его. Но ему действительно конец будет в тысячу раз легче, чем пребывание в этой русской Бастилии. Когда побываешь там только на 2 часа, и то после все хочется стряхнуть с себя что-то, да не всегда это скоро удается. Такой там мир особенный, что все не привыкнешь к нему; а уж пора бы. Сколько уж раз мы побывали там. Иногда просто все тамошние господа кажутся сумасшедшими, и самая крепость каким-то совсем особенным миром. Николя всегда подсмеивается над нашими здорованьями и прощаньями,—мы с ним все целуемся, и он часто замечает, что вот, когда бы это они с Сашей вздумали поцаловаться, а тут расточают такие нежности друг другу. Я всегда уж вернусь, что бы еще проститься,—все жаль оставлять его там. Если бы можно, так и осталась бы там погостить у него.

2 марта 1864.

...Николя нынче был очень весел. Часто случается, что он хохочет, но нынешнее свидание вышло преимущественно весело. Дело его перешло уже в Государственный Совет.

16 марта 1864.

...В четверг на прошлой неделе мы видели Николю; поедем опять 24 числа. Он здоров. О деле решительно нет нового, да и ничего вообще не слышно. В такой тайне, что чудо. Я вам писала о том, что потребовано, будто бы, подлинное дело—Николя все жалеет, что делаются лишние проволочки.

23 марта 1864.

... Нового нет. Завтра едем опять к Николе, и уж не я за Сашей, а он за мною заедет...

...Новый роман Черныш., начало, третье отделение не отдает, да и только. А конечно вещь должна быть любопытная и неглупая. [41])

5 апреля 1864.

... В прошлую пятницу мы с Сашей ездили к Николе. Он здоров и только желает скорейшего окончания дела. Удивительный он человек. Почти все время трунил и хохотал над Сашей по поводу рождения Веры. [42]) Хохочет он часто и шутит по обыкновению. О деле всегда говорит: да ведь это все вздор, не стоит и думать. Говорит он иногда, что много у него в голове проектов разных сочинений, и когда он рассказывает, в чем дело и каков план, то кажется, что действительно вещь должна быть хорошая. Прежде, он говорит, ведь не было времени ни о чем думать, а тут можно было и начитаться и надуматься о многом. Мы думаем, что он и действительно многое еще напишет впоследствии замечательное.

12 апреля 1864.

... Говорили нам на днях, что дело Николи кончено в Государственном Совете и передано государю. Он сбавил на половину срок ссылки. Не знаем, так ли это, или еще придется написать вам что-нибудь другое. [43]) Я, признаться, не думаю, чтобы воспоследовала такая милость; все говорили, что против него существует такое озлобление в наших аристократических кружках, какое, говорят, питает к нему и саратовская аристократия. Я, судя по Боклю, [44]) да и не по Боклю, правда, а и по самой глупой даже истории, кем бы она ни была написана, вижу из этого, что действительно голова Николи—умнейшая из всех нынешних голов. Со всеми передовыми людьми всех стран и веков повторялась его история. У нас на Руси, кажется, он первый возбудил всю российскую знать и дворянство, и когда будет у нас свой Бокль, то, конечно, он обратит внимание на это явление. Если придется Николе ехать, то это будет совершенно довольно спокойным образом в своем экипаже. Там—тоже будет не столько дурно, как это можно бы предполагать, только об этом молчат.

20 апреля 1864.

...Дня три назад погода у нас опять переменилась, и теперь холодно и идет снег. По такой-то погодке пришлось нам с Сашей ехать в пятницу к Николе, и еще досаднее показалось то, что свидание отложили до будущего четверга. Это, вероятно, потому, что дня за два до того виделась с ним О. С.—Она уже уехала, но скоро опять приедет. Собирается ехать с Николей, если придется.

28 апреля 1864.

...Пишу к вам от Саши, куда приехала за тем, чтобы ехать делать кое-какие закупки для Николи. Делаем понемногу разные приготовления, но когда и что будет, достоверно еще нельзя сказать до сих пор. [45])

5 мая 1864.

... Приготовляется к изданию Милль, который был издан не вполне, так я теперь переписываю всю эту историю:—в рукописи прежней отдать в цензуру нельзя; они имеют обычай не отдавать тех вещей, какие не рассудят пропустить. Конечно, не интересно потерять рукопись.

Вчера приехал сюда Саша Черн. с Захарьиным, [46]) а О. С. унес чорт в Саратов. А ее-то тут ждали. Теперь она уже, вероятно, не вернется к от'езду Николи, который, вероятно, скоро будет. Вчера читался ему приговор в сенате; после этого нельзя думать, чтобы он остался тут долго. Саша остается у нас.

12 мая 1864.

... Теперь вы уже знаете решение дела Николи из газет. Здесь над этим об'явлением просто смеются, а кто знал прежние обвинения, тот и вовсе, потому что там ни о каких возмутительных воззваниях не было и речи. Многим также нравится „принятие мер"; да и все хорошо. В сенате ему об'явлено решение; теперь он перешел из ведения III отд. в ведение генерал-губернатора; свидания с ним у нас почти каждый день. Возили мы к нему два раза Викторию, [47]) которая ему очень понравилась. Был у него и Ив. Гр. Разных господ, желающих его видеть, есть довольно, но он сам говорит, что это совершенно напрасно; что это значит только давать повод смотреть на себя с подозрением. Действительно, правительство, как видно, придает ему большое значение, думает, что в самом деле нет ли у него громадной партии,—напр., при чтении приговора в сенате улица, где под'езд и потом лестницы и ходы, все были наполнены полицией. Разумеется, отбивать его не было ни у кого в намерении, и эти предосторожности были напрасны. Конечно, он спокоен, как всегда. Обратился раз ко мне с вопросом: не может ли он что-нибудь сделать для меня, что он очень бы желал этого, считая себя очень обязанным вам. Сделать, конечно, он собирался чрез разных знакомых, если бы я на это вызвалась. Я об'яснила ему некоторые свои намерения, а он в прибавление к ним сделал указание двух или трех вещей, годных к переводу, и говорил, чтобы я непременно занялась и этим. Заботливость его очень большая. Видимо, хотелось бы ему видеть нас в более самостоятельном положении. Об Ол. Сокр., конечно, забота его главная. Мы не знаем еще, скоро ли он отправится в путь; вероятно, скоро. Приготовления у нас сделаны все. Нынче мы опять едем к нему.

...Так Белов [48]) опять бегает. Приносит ли он сам какие нибудь новости? Говорят, что здесь теперь только и говору, что о Ник. Гавр.

...Ваш ответ на депешу получен в свое время. Николе хочется дождаться О. С.—Вероятно, она успеет приехать.

22 мая 1864.

... Милые мои папенька и маменька, мы не написали вам во вторник, потому что совсем захлопотались в те дни. Именно во втор-

ник проводили мы Николю. Недели полторы или две до его от'езда мы виделись с ним почти каждый день (это после прочтения ему приговора в сенате), а последние два дня мы были с ним с утра до вечера. О. С. приехала сюда в воскресенье, а уехала во вторник же утром; мы прямо с постелей уехали в крепость, не зная наверное, увидим ли Николю; нам сказали, что его увезут в 11 ч. утра. Крепостные власти нам сказали, что его, как это по правилам и бывает, вероятно, отправят после вечерней зари. Так это и было. Он уехал в десять часов. Так мы и не простились с О. С. Она уехала без нас.

Я говорю, что мы совсем захлопотались. Действительно, я не думала, чтобы это могло выйти так, потому что не предполагала такой сумятицы и бестолковщины во всех наших властях и учреждениях. Саша и Сережа, хлопотавшие о более спокойном устройстве этой поездки, буквально сбились с ног, раз'езжая по разным администрациям, из которых некоторые действуют преимущественно ночью—прошу их отыскать. Саша хлопотал о своем экипаже и его уверили, что это можно устроить, и сказали даже, когда доставить его и вещи в крепость. Все это было сделано. В крепость должны были дать знать об этом. Думали, что поездка будет в понедельник и доставили в назначенный час все это. Оказалось, что в крепости не знают об этом ничего. Бросились опять к тем господам. Те же уверения и успокоения, до такой степени настойчивые, что Саше казалось неловким отправляться еще с теми же просьбами. А между тем господина, которому поручено передать это распоряжение в крепость, —нет да нет. Сколько раз пришлось ездить из-за этого, уж и не знаю, но наконец мы уверились, что Николя поедет в своем экипаже. Вечером во вторник, когда мы должны уже были уходить, мы увидели, что приехала почтовая телега. Саша отправился к коменданту, но он сказал, что не может, не имея приказания, позволить ехать в своем экипаже. Саша положительным образом уверял его, что ко времени от'езда явится господин генерал-майор, которому поручено это дело. Комендант сделал снисхождение и прождал с этим лишний час (это много значит у них). Саша оставался все время в крепости, наконец, видит, что совсем готово к от'езду. Тогда ему показали, что приехал и тот, кого он так ждал. Но его приезд не помог делу. Николя уехал. Генерал-майор обратился к нему с извинениями, но из них видно было, что во всяком случае сделано бы было так, как оно сделано, хоть бы он и не опоздал приездом. Суворов отличился тут замечательным образом. Этот господин славится либерализмом, и действительно говорит очень красиво. Тем хуже. С Сашей он об'яснялся с таким жаром, что будто к нему это дело чуть-чуть не так же близко, как к нам. Вот и устроил. Некоторые советовали Саше побывать у него и рассказать все дело, но тот не находит удовольствия лишний раз говорить о том, чего поправить уже нельзя, а испорчено, то именно тем, с кем потом об'ясняешься. Николя очень спокоен. Много ходит теперь рассказов о том, что происходило на площади во время чтения приговора. Несколько дам бросили ему цветы, и двух взяли. Полиции было очень много, и обер-полицийместер должен был беспрестанно бросаться то в ту, то в другую сторону унимать шум. Кричали и прощались с Николей. Он и тут оставался замечательно спокоен. Говорил нам в последний день: как сначала я имел право говорить, так и теперь его имею, что против меня у них не было никаких оснований вести так дело.—В самом деле это так, что видно не из его только слов, а из тысячи вещей.

Не могу теперь много писать о нем. Так полно сердце.—Да и пора на почту. Скажу вам только, что все будет хорошо. Он говорит, что об нем совершенно не следует беспокоиться, потому что сам он только одну заботу имеет—О. С., но так как теперь до некоторой степени устроена ее судьба в денежном отношении, то ему ничего не надо больше. О вас также он заботился. Вас целует и кланяется.—В том предположении, что может не удастся свой экипаж, он просил купить ему резиновую подушку, которая заменила бы рессоры. Это и сделали,—оказалось, что он лучше знает господ, и по его вышло. После буду еще писать вам. Поля ушла. Целую всех за нее.

2 июня 1864.

... Я вам писала, что мы проводили Николю без слез. Это так и было. Последнее наше свидание вообще было веселее, чем накануне, когда мы также провели с ним целый день. Накануне были у него мы все, т.-е. и Виктория и Саша 2-й, в день же от'езда только Саша 1-й, Сережа, я и Поля. Поплакать нам не случилось потому, что он сам был довольно весел, потом нужно было слишком много сказать друг другу, затем, разумеется, и не хотелось доставлять ему зрелище не совсем веселое. Все это в тысячу раз обошлось бы легче для всех нас, без глупости лиц, действовавших тут в виде разных начальств.

Тут нам пришлось много повидать всякого народцу, и как он дик, это трудно представить. Этим они делают очень неприятное впечатление, независимо от того, что мысли сами по себе не совсем же веселые у всех нас должны были быть. Чрезвычайно, конечно, горько было узнать, напр., о том, что не могли добиться поездки в своем экипаже, несмотря на такие теплые, радушные, как будто, уверения. К этим господам, вследствие подобных ненужных, по-нашему, пошлостей, чтобы не сказать подлостей, является какое-то омерзение. Видишь в них крайнее непонимание человеческой жизни. Точно дети, не смыслят. У Николи много было рассказов по поводу непонимания разными господами самых простых вещей,—мы убедились на опыте, как они справедливы. Надо к этому сказать, что сами по себе это люди все добрые, но уж никак не могут они освободиться от глупой, подавляющей все системы. Много раз также и смешно на них было, когда кто-нибудь вступал в разговор—выходило, что парень видимо не соображает, в чем и о чем дело. Случались очень забавные вещи, но мы, разумеется, сохраняли свой серьезный вид.

Николя просил кланяться вам. Много хлопотал о том, чтобы научить Сашу и Сережу, что делать, чтобы похлопотать вам о месте, папенька.

Ол. Сокр. уехала утром в день его от'езда. Мы остались довольны тем, по крайней мере, что все приготовленные для него вещи пошли с ним. Поездка все-таки не будет так беспокойна, как могла бы быть без всяких удобств, приготовленных ему нами...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) „История с письмами"—повидимому, речь идет о письмах, захваченных у Ветошникова и послуживших поводом к аресту Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича. См. Лемке, М. К. Политические процессы в России 1860-х г.г. (по архивным документам). М.—Л. ГИЗ. 1923, стр. 179.

2) Этот слух подтвердился впоследствии, когда были составлены две „записки о литературной деятельности Н. Г. Чернышевского", одна—проф. М. Касторским, другая—В. Д. Костомаровым. См. Лемке, Политические процессы, стр.

377 и Ю. Стеклов. Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889), изд. Политкаторжан. М. 1928, стр. 25.

3) Речь идет об Иване Григорьевиче Терсинском, родственнике Чернышевских и Пыпиных, синодальном чиновнике.

4) Дом Чернышевских в Саратове, ныне Дом-Музей Н. Г. Чернышевского. Дом не был передан О. С. Чернышевской в 1852 г., а продан А. Н. Пыпину. См. примечание 40.

5) Сергей Николаевич Пыпин (1838—1903), двоюродный брат Чернышевского, служивший в магазине Тиблена в 1862 году.

6) Сын Чернышевского, Александр (1854—1915). Родные называли его „Сашей маленьким" и „Сашей № 2" в отличие от „Саши большого" и „Саши № 1"— А. Н. Пыпина.

7) Н. А. Серно-Соловьевич (ум. в 1866 г.)—публицист, один из основателей общества „Земля и Воля", сблизился с Чернышевским на почве совместной работы по организации этого общества. Был арестован 7 июля 1862 г. по делу о сношении с лондонскими пропагандистами. О нем см. Лемке, Политические процессы; Полное собраний сочинений и писем Герцена под ред. М. К. Лемке ГИЗ. 1919—1925. тт. X—XXII; Н. В. Шелгунов, Воспоминания, под редакцией А. А. Шилова, ГИЗ 1923.

8) М. А. Антонович (1835—1918)—критик и публицист, сотрудник „Современника". О его отношениях к Ч-му см. его воспоминания: „Памяти Н. Г. Чернышевского" Новый журнал для всех 1909, ноябрь.

9) Саша—А. Н. Пыпин (1833-1904)—профессор петербургского университета, впоследствии видный исследователь русской литературы и общественности. Будучи двоюродным братом и близким другом Ч—го, А. Н. воспитывал его детей и оказывал материальную поддержку его семье путем издания сочинений Ч—го. во время пребывания последнего в ссылке.

10) П. И Боков (1834—1914)—врач, привлекался в 1861 г. по делу „Великорусса"; состоял член. об-ва „Земля и Воля". До конца жизни был близок к Ч—му и его семье, которую материально поддерживал, пока Ч—ий был в ссылке. О нем см. Деятели револ. движении в России. изд Политкаторжан т. I ч. 2, стр. 47.

11) Дело Ч—го было передано в сенат в первых числах мая. Здесь автор письма, повидимому, использует предварительно ходивщие об этом слухи. См. Лемке, Политические процессы, стр. 338.

12) С 4 декабря 1862 г. по 4 апреля 1863 г. Ч—ий писал роман „Что делать?". См. Звезда 1924, III, стр. 75.

13) Письма Ч—го к Пыпиным за это время, т. е. за период его голодовки, к сожалению, не сохранились. От всего 1863 г. до нас дошли только письма, написанные летом. См. Литературное Наследие, т. II (печатается).

14) Поля—Пелагея Ник. Пыпина (1837—1916) двоюродная сестра Ч—го, одна из первых женщин, посещавших университет в 1860 г. Впоследствии вышла замуж за профессора физики П. П. Фан-дер-Флита.

15) Юлия—Ю. П. Пыпина; урожд. Гурскалин. Жена А. Н. Пыпина.

16) Первое свидание Ч—го с женой в крепости было 23 февраля. (Лемке, Политические процессы. стр. 241).

17) С 28 января по 6 февраля длилась голодовка Ч—го.

18) Бахметев—саратовский помещик. Подробному выяснению его личности и проверке мнения, высказанного Е. Н. Пыпиной в этом письме, посвящена одна из глав статьи Ю. Стеклова „Чернышевский и его роман" „Что делать"? в „Молод. Гвардии" 1927, X, стр. 161-163.

19) В. Д. Костомаров, сыгравший предательскую роль в деле Ч—го.

20) М. Л. Михайлов (1826—1865)—известный поэт-переводчик и автор статей по женскому вопросу, сблизился с Ч—вым еще в университете в 1846 г. Был сослан в 1861 году в Сибирь по обвинению в составлении прокламации „К молодому поколению". Об участии Вс. Костомарова в его деле. См. Лемке, Политические процессы, стр. 59—101.

21) Е. Н. Пыпина ошибается; как раз за время с 5 по 13 марта Костомаров много потрудился по делу Ч—го: было составлено письмо на имя вымышленного лица, Н. И. Соколова, в котором рассказывалось об участии Ч—го в революционной работе, сфабрикована подложная записка и привлечены ложные свидетели. Очная ставка Ч—го с Костомаровым состоялась 19 марта. См. Лемке, Политические процессы, стр. 274—315.

22) П. А. Ровинский (1831—1916), член общества „Земля и Воля", впоследствии известный этнограф-путешественник. О близости его к Чернышевским и Пыпиным говорится в неизданном докладе Н. М. Чернышевской-Быстровой, читанном в заседании Исторической секции Сарат. Обл. Нижне-Волжского Об-ва Краеведения в октябре 1927 г. „Одна из попыток освобождения Н. Г. Чернышевского".

23) Суворов А. А. кн. (1804—1882), петербургский генерал-губернатор. Вопреки мнению многих современников о гуманности Суворова, он ничего не предпринял ни для облегчения участи Ч-го в 1864 г., о чем его просил А. Н. Пыпин, ни в момент отправления Ч го в ссылку, как видно из двух последних писем Е. Н. Пыпиной.

24) См. примечание 18.

25) Слух, совершенно не оправдываемый действительностью. Самое выражение Е. Н. сбивчиво; вероятно, следует читать не „умереннее", а наоборот: „радикальнее", если поводом к передаваемым Евг. Н-ой слухам послужило письмо Ч—го к Герцену за подписью „Русский человек". (Колокол 1860, 1 марта № 64).

26) „История с мещанином Яковлевым", привлеченным В. Д. Костомаровым к делу Ч—го в качестве лжесвидетеля и расказывавшего об этом в смирительном доме, подробно изложено у Лемке, Политические процессы, стр. 332 335.

27) Подложная записка. См. Лемке, Политические процессы, стр. 295—314.

28) Первый допрос Ч—го в сенате был 29 мая. (Там же, стр. 340).

29) 16 июня Ч—му было дано разрешение увидеться с ближайшими родственниками: Александром и Евгенией Пыпиными. Подробных сведений о первом свидании в переписке Е. Н. Пыпиной не встречается, но из этого письма можно заключить, что оно происходило между 16 и 24 июня.

30) Ч—ий был привезен в сенат 13 августа, для чтения составленной о нем записки из дела. См. Лемке, Политич. процессы, стр. 445.

31) Статья о Крымской войне по Кинглеку была написана Ч м в крепости за время с 11 августа по 16 октября. Начало ее было напечатано в Женеве Элпидиным под заглавием „Заговорщики и соумышленники Людовика Бонапарте в 1851 году. Изложение по Кинглеку Н. Г. Чернышевского с его примечаниями. Характеристика лиц, участвовавших в эпоху 1848-1851. Не изданная рукопись". Первая половина всей рукописи опубликована в полном собр. соч. т. X, ч. 2, стр. 57—173. Вторая половина (окончание)—не напечатана.

32) Надежды Е. Н. Пыпиной и других родных и друзей Ч—го не оправдались: дело так и не перешло в госуд. совет, закончившись сенатским приговором, который был утвержден Александром II.

33) Как раз в этот день, т. е. 2 декабря 1863 г., был подписан приговор Ч—му. См. Лемке. Полит. процессы, стр. 473.

34) Письмо к „Алексею Николаевичу", составленное В. Костомаровым от имени Ч—го, с целью доказать принадлежность Ч—го к подпольной революционной работе. В настоящее время подложность этого письма доказана при помощи экспертизы. См. статью Ю. М. Стеклова „Решенный вопрос", Кр. Арх. 1927, VI (25), стр. 135—182.

35) Приговор действительно переписывался, до 7 февраля 1864 г., но не потому, что был смягчен, а вследствие редакционных поправок, внесенных в него министром юстиции: напр., слово „заговор" министр находил необходимым заменить выражением „злоумышление". См. Лемке, Политические процессы, стр. 474.

36) Действительно, 7 апреля 1864 г. Александром II срок ссылки Ч—го в каторжные работы был сокращен наполовину. См. там же, стр. 487. Впрочем, время показало, насколько было можно верить этому снисхождению: по истечении семилетнего срока каторжных работ, Ч—ий был поселен в Вилюйской тюрьме под присмотром 2-х жандармов еще на 12 лет.

37) Опять только слухи, не получившие подтверждения в действительности.

38) 14 ноября 1863 г. шефом жандармов кн. Долгоруковым была дана резолюция о неразрешении печатать статью Ч—го о Крымской войне по Кинглеку и романа „Повести в повести". 23 февраля 1864 г. ген. Потаповым было сделано распоряжение о недопущении в печать перевода Ч—го книги Неймана „История Соединенных Штатов" „за оскорбительные выражения против монархической власти". (Дело департамента полиции о Чернышевском с 1862 по 1881 г. Копия, архив Дома-Музея Н. Г. Чернышевского, № 1959).

39) 29 декабря 1864 г. Ч—й начал писать „Введение к трактату о политической экономии Милля".

40) О продаже дома Ч—м А. Н. Пыпину и о передаче его впоследствии Пыпиным по дарственной сыновьям Ч—го см. статью П. Юдина „К биографии Н. Г. Чернышевского". Ист. Вестник 1910, сентябрь.

41) Повидимому, речь идет о романе „Повести в повести", задержанном в III отделении. См. примечание 38.

42) Вера—дочь А. Н. Пыпина, род. 28 марта 1864 г. Впоследствии автор книги „Любовь в жизни Чернышевского", вышедшей в 1923 г.

43) См. примечание 36.

44) Бокль Т. Г. (1822—1862)—знаменитый английский историк, автор „Истории цивилизации в Англии", вышедшей в 1858—1861 г.г., (т.т. I—II) В радикальной и социалистической литературе, распространявшейся в России в 60-х и 70-х г.г., имя Бокля стоит рядом с Лассалем, Миллем, Дрепером и др. Бокля внимательно изучал и Ч—ий, оставивший на полях его книги многочисленные заметки.

45) Судя по сохранившейся описи вещей и книг, составленной Пыпиными, с Ч—им в ссылку были отправлены: Теккерей, Лермонтов, Кольцов и несколько книжек Жоржа Занда. По поводу этого списка, представленного ген. Потапову комендантом Петропавловской крепости Сорокиным 16 мая 1864 г. за № 98, Потапов сделал следующую пометку на отдельном листке: „Казалось бы, кроме романов Ж. Занд, все можно бы дозволить.. ") См. Дело Д-та полиции о Ч—ом с 1862 по 1881, Копия, Архив Дома-Музея Н. Г. Чернышевского, № 1959).

46) Захарьин А. В., по предположению многих современников, принимал участие в „Великоруссе". О близости его к Ч—му см. Красный Архив 1926, т. XIV (Чернышевский в донесениях агентов III отделения, с примечаниями А. А. Шилова).

47) Виктория Ив. Пыпина, урожд. Данилова (1843—1908) жена С. Н. Пыпина. Ей впоследствии была посвящена повесть Ч—го „Тихий Голос", написанная в Сибири.

48) Белов Е. А. (1826—1895)—известный русский историк, бывший сослуживец Ч—го по Саратовской гимназии, считался в Саратове политически-неблагонадежным, как близкий к Ч—му человек. Об этом см. П. Л. Юдин „Е. А. Белов (по случаю десятилетия со дня его кончины)". Русск. Старина 1905, XII, Воспоминания Е. А. Белова о Н. Г. Чернышевском" под. ред. С. Н. Чернова и В. Сушицкий. „К биографии Е. А. Белова". Обе последние статьи подготовлены к печати.

Чернышевская-Быстрова.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Срта-ницы	Снизу	Сверху	Напечатано.	Следует читать
234	—	23 „	seteindre	s'eteindre
235	19 строка	—	sourir etriste	sourire triste
237	1 „	—	4)	5)
237	4 „	—	3)	4)
234	1 „	—	out	mon . . . .
273	2 „	—	Отрывок из материалов В Пыпина семейного архива	Отрывок из материалов семейного архива В. Пыпина.
273	11 „	—	в которой	которой
299	1 „		О-ва Краеведения,	О-ва Краеведения в 1924 г.
349	7 „	—	Finijs	Finis
350	15 „	—	proprosiuónibus	propositionibus
350	17 „	—	beotum	beatum
350	26 „	—	Senectuc	Senectus
355	15 „	—	Таццита	Тацита
373		12 „	I том.	I томе,
373	13 „		№ 110	№ 10
377	23 „	—	в ! т.	в I т.
389	14 „		грамматики классовской	грамматики Классовского
391	6 „	—	листаи	листам
391	15 „	—	Шишковой	Ишимовой
397	12 „	—	Сочинение	Сочинения
399	5 „	—	жирналгх	журналах
400	1 „	—	долг.	долгов,
400	10 „	—	под редакцию	под редакцией
431	—	26 строка	В. Герчиков	И. В. Герчиков